**Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки. –
2010. - № 2. – С.135-141**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЕМЬИ ЧЕХОВЫХ

А.Ю. Кругликова

- Почему человек - человек?
- Спросите у его родителей.
- Почему человек - человек?
Спросите у него самого.
Мудрость дзен

Антон Павлович Чехов принадлежит к прекрасной плеяде поистине великих людей, которыми Россия может гордиться. Он не только талантливый писатель, основоположник современной драматургии, но и настоящий гражданин, неутомимый общественный деятель, преданный семье и брат. Тем самым его личность представляет для подрастающего поколения не просто большую значимость, но духовно-нравственную ценность. Полтора столетия со дня его рождения подтверждают это и позволяют надеяться, что в жизни и творчестве писателя остается еще немало «белых пятен», которые ждут своих исследователей. Отечественное литературоведение многое открыло нам в творческом наследии АЛ. Чехова, но, как нам кажется, не все еще сказано психологами, культурологами, педагогами о гранях его удивительной личности и ее духовном потенциале, о детских и юношеских годах писателя и о тех семейных условиях, в которых наперекор всему выплавлялся неповторимый чеховский характер.

В современной отечественной психологии постоянно расширяется тематика исследований, посвященных изучению семьи как фактора, определенным образом воздействующего на развитие человека и прежде всего становление его личности. Попробуем посмотреть на историю и жизнь семьи Чеховых с современных научно-психологических позиций. Направленность нашего исследования обозначим как поиск психологических и культурологических аспектов изучения семьи писателя на основе разнообразных артефактов жизни ее представителей (семейная фотография новых, биографические данные, письма и семейные воспоминания членов семьи и пр.).

Объект нашего изучения - старая фотография семьи Чеховых - единственная семейная фотография Чеховых, сделанная в Таганроге предположительно осенью 1874 года в период определенного достатка и материального благополучия семьи накануне ее переезда в собственный дом на Конторской улице. До бегства отца семейства в Москву остается еще два года, до окончания гимназии А.П. Чеховым и его поступления в Московский университет - пять лет. Наша гипотеза состоит в том, что семейные фотографии, созданные по законам жанра, являются, во-первых, отражением психологической модели и социально-исторического типа семьи и, во-вторых, отражением сложившихся семейных взаимоотношений между ее членами.

В поисках методологического обоснования сошлемся на цикл психологических исследований В.Н. Дружинина, который на рубеже XX-XX1 вв. сделал попытку изучения репрезентации индивидуальных представлений зарубежных и отечественных художников о системе семейных отношений в живописных произведениях. На материале жанра семейного портрета в европейской, русской и советской живописи, он выдвинул гипотезу об отражении в творчестве художников идеальных кросскультурных моделей семьи и о возможности на этой основе исследовать динамику смены типов семьи и их психологических моделей (протестантская, католическая - ветхозаветная и евангелистская - и православная) в соответствии

ЦГПБ имени А.П. Чехова

со сменой общественно-исторических условий [2].

Предложенный В.Н. Дружининым подход к интерпретации живописного семейного портрета построен на основе схемы анализа рисуночного теста семьи (А.Л. Венгер, В.К. Лосева, Г. Хоментаускас), где выделяются три основных типа семейных отношений: 1) власть - подчинение; 2) ответственность; 3) эмоциональная близость. Мы предположили, что принципы и схемы указанного подхода можно экстраполировать и на фотографические изображения семей, которые, с одной стороны, являются отражением социально-психологических представлений о семье в определенный исторический период, с другой стороны, - средством фиксации реальных внутрисемейных отношений. Особенно это правомерно для фотографий прошлого.

Первые семейные фотографии можно рассматривать в некотором смысле как произведения искусства (фотоискусства). Фотосъемка на заре своего распространения в культуре семейного быта не была делом легким, простым и быстрым. Она требовала серьезного мастерства фотографа и определенной подготовки семьи: выбиралось время, тщательно продумывались костюмы, поход в фотостудию ощущался как важное семейное событие. Фотограф, если он был мастером своего дела, при встрече с семьей планировал особую мизансцену, позволяющую оптимально отразить как характеристику семьи в целом, так и индивидуальность каждого из ее членов. Фотографирование - семейное, портретное, детское или взрослое - осуществлялось в разном интерьере, с разными атрибутами и аксессуарами. В результате фотография представляла собой искусную картину (вспомним забытое слово «фотографическая карточка»), отражающую не только индивидуально-типические черты ее персонажей, но и особый дух времени. В этом и заключается неповторимое очарование старых фотоснимков.

Посмотрим на фотографию, изображающую многодетную семью Павла Егоровича Чехова и семью его брата - Митрофана Егоровича с женой Людмилой Павловной и маленьким сыном Георгием (двоюродный брат сестры и братьев Чеховых) [1, 48]. Антон Чехов здесь - подросток, гимназист, ему 14 лет.

По свидетельству многих биографов А.П. Чехова, которые основывались на воспоминаниях преимущественно Александра, Марии и Михаила, семья, в которой рос будущий писатель, была глубоко патриархальной [4, 5]. Вглядимся в семейную фотографию и на основе ее психологического анализа попытаемся установить, насколько это справедливо: является ли она отражением патриархальной психологической модели? Для интерпретации семейных взаимоотношений по фотографии воспользуемся схемой анализа семейных живописных портретов из исследований В.Н. Дружинина и его учеников:

I.Состав семьи.

2.Пространственное расположение фигур: а) ближний/дальний план, центр композиции; б) расстояние между членами семьи; в) наличие каких-либо предметов между членами семьи; г) взаимная ориентация фигур; д) ориентация фигур относительно зрителя; е) наличие изолянтов; ж) деление членов семьи на группы.

3.Особенности графической презентации фигур: а) величина фигур; б) пропорции; в) поза, жесты, мимика, пантомимика.

4.Вид изображения: а) на фоне пейзажа, в интерьере; б) статическое (или динамическое) изображение.

5.Эмоциональный фон.

б.Наличие контакта, включенность в общее действие [2, 106].

Отметим, что состав семьи на фотографии расширенный. Фактически мы видим две семьи, объединенные композиционно и являющие нам некое пространственное и психологическое единство. Фотография отражает достаточно сильные родственные связи между семьями двух братьев, что находит подтверждение и в письмах А.П. Чехова, и в воспоминаниях близких. Митрофан Егорович (дядя писателя) фигурирует во многих из них и описывается с достаточной теплотой и нежностью. Особое место в воспоминаниях родных занимает история любви и женитьбы Митрофана Егоровича на Людмиле Павловне Евтушевской. А с Геор-

ЦГБ имени А. П. Чехова

гием много времени проводил Антон Чехов в дни своих приездов в родной Таганрог в 1887, 1894 и 1899 гг. Видимо, во многом благодаря родным Чехов сохранил к Таганрогу заботливую любовь и привязанность, о чем и пишет в одном из писем: «Вот если захочется отдохнуть, то приеду в Таганрог... Воздух родины самый здоровый воздух» [3, т. 16, с. 26].

Семья Павла Егоровича Чехова изображена на фотографии в полном составе из восьми человек - отца, матери и шестерых детей. Семья Митрофана Егоровича - из двух взрослых (родителей) и ребенка. На ближнем плане фотографии представлены сидящие (слева направо) Михаил, Мария, Павел Егорович, Евгения Яковлевна, Людмила Павловна и маленький Георгий. На дальнем плане стоят четверо старших сыновей Павла Егоровича: Иван, Антон, Николай, Александр, а также Митрофан Егорович, их дядя. Пространственное расположение фигур создает достаточно сложную и неоднозначную композицию. С первого взгляда трудно сказать, кто является ее психологическим центром. С одной стороны, это родители Антона - Павел Егорович и Евгения Яковлевна, однако их единство нарушается небольшим круглым столиком, составляющим некий пространственный барьер, и отсутствием визуального контакта в фокусе фотографии (взгляд Евгении Яковлевны, единственный из всех, скользит мимо зрителя). С другой стороны, более детальное рассмотрение позволяет выделить как бы три части фотографической композиции, объединенные Общими фигурами.

Центральная часть «триптиха» - родители и старший сын Александр, стоящий за столиком, но композиционно между родителями. Вторую часть общей композиции составляют отец Павел Егорович и все остальные дети, кроме старшего Александра, - младшие Мария и Михаил (сидят) и братья Иван, Антон и Николай (стоят слева направо). Третья композиционная часть - Евгения Яковлевна и семья брата Павла Егоровича. Фигура Евгении Яковлевны значительно повернута к родственникам по мужу спиной, однако Митрофан Егорович, Людмила Павловна и их сын Георгий находятся очень близко от нее и друг от друга, причем их фигуры имеют значительный наклон в сторону Евгении Яковлевны, что позволяет видеть их в определенном единстве.

Нам представляется, фотограф, как и художник, подсознательно определяет эмоциональную значимость каждой фигуры в общей семейной композиции и отражает взаимоотношения между ними через то или иное расположение в пространстве. Правомерно признать, что на фотографии, как и в рисунке, и в живописном семейном портрете место человека есть знак его ролевой позиции в структуре семьи. И, действительно, фигуры родителей композиционно представляются доминирующими, однако местоположение Павла Егоровича отождествляется с отношениями власти и ответственности, ярко выраженного собственничества: за его спиной практически все дети. Он доминирует и эмоционально: внушительная посадка, открытый, строгий взгляд, который держит внимание зрителя, светскость и изящество платья.

Мать, Евгения Яковлевна, выглядит на фотографии скорее фигурой-изолянтом по отношению ко всей семье и даже к младшим детям. Ближе всего она расположена к старшему сыну Александру, который так же в какой-то мере выглядит изолированным от многих родных. Это вполне соответствует действительности: на тот момент он фактически уже не жил дома, а репетиторствовал в доме директора мужской гимназии Э.Р. Рейтлингера, получая стол и квартиру. Разворот фигуры Евгении Яковлевны в психологическом пространстве фотографии нарушает горизонтальный ракурс расположения остальных фигур. Для нее характерны закрытость позы (руки сложены одна на другую на столе перед грудью), настороженный взгляд - в сторону от зрителя. Ее изолированная фигура словно обозначает границу собственной семьи, отделяя ее от семьи Митрофана Егоровича, словно охраняя ее, подобно наседке. Местоположение фигуры матери (далеко от детей) частично указывает и на ее подчиненное (не главное) положение в родительской подсистеме.

Расстояние между большинством членов семьи на фотографии достаточно близкое, тесное, фигуры взаимно ориентированы и некоторые из них находятся в непосредственном контакте: Маша взяла под руку отца, Николай оперся сцепленными руками на плечо Антона, Иван приобнимает Михаила, положившего руку на плечо Маше. Их взгляды направлены на

ЦГПБ имени А.П. Чехова

зрителя. Расположение фигур детей создает ощущение взаимного притяжения между ними, их психологической близости, включенности в некое общее действо. Доброжелательность и родственная привязанность отличали общение детей Чеховых и в зрелые годы.

Особенности графической презентации фигур (величина, пропорции) не значимы на фотографии так, как в рисунке, поскольку она является точным отражением реальности. Поэтому остановимся на оценке поз, жестов, мимики. Уместно вспомнить, что в XIX веке фотосъемка производилась при длительной выдержке, что давало человеку время расслабиться и принять свойственное ему выражение. И здесь, на фотографии Чеховых, мы видим определенную непосредственность и естественность у большинства членов семьи. В основном позы открытые, ненапряженные, особенно у младших детей.

Особняком выделяется фигура старшего Александра, она выглядит не только изолированной, но и более демонстративной. Правая его рука, согнута в локте, большой палец заправлен за пуговицу, что придает ему некоторую претенциозность и обособленность. Кстати, этот жест повторен и Антоном, и в этом подтверждение авторитетности старшего брата в глазах младшего. Во взрослые годы между ними установилась длительная и прочная духовная близость, впрочем, позволяющая Антону делать иногда замечания брату и в некотором смысле «воспитывать» его. Известны письма, критикующие недостаточно порядочное поведение Александра в отношении его собственной семьи.

Семья запечатлена статично в искусственном интерьере с претензией на провинциальный аристократизм: тумбы с резными колоннообразными основаниями, мягкие стулья, креслице, тяжелая бархатная кулиса, что вполне соответствует духу старого Таганрога. Эта обстановка совсем не характерна для изображения традиционной купеческой семьи. Костюмы и платья старших ее членов также выдержаны в модном для своего времени, хотя и провинциальном стиле. Видно, что Павел Егорович и Митрофан Егорович не признавали распространенную среди купечества одежду - рубаху, поддёвку, сапоги бутылками. Уместно привести мнение литературоведа А.П. Чудакова: «На семейной фотографии 1874 года видим щеголевато одетого мужчину с белоснежными манжетами и высокими воротничками» [6, 20].

По свидетельству родных и современников, Павел Егорович в Таганроге ходил в цилиндре, а позже, уже в Москве, несмотря на унижающую бедность, в модной мягкой шляпе. Даже в старости его можно было видеть только в крахмальной сорочке. Такое стремление к аккуратности, изяществу с детства впитали и его дети. На фотографии старшие мальчики в гимназической форме, Михаил и Георгий в нарядных бархатных курточках, Маша в гимназическом платье и белом фартучке. Это результат заботы матери - Евгении Яковлевны, которая старательно обшивала всю семью, несмотря на перепады доходов от лавки. Аккуратность и изящество нарядов Чеховых на фотографии также доказывают пока еще упорно поддерживаемое материальное благополучие семьи в 1874 году, личностные предпочтения старшего поколения, его принадлежность к наиболее просвещенному купечеству, желающему для своих детей лучшей доли.

По черно-белой старой фотографии достаточно трудно определить ее эмоциональный фон. Нельзя назвать его однозначно позитивным, в то же время мимика членов обеих семей имеет черты выразительности, отличающей состояние каждого. В их лицах мы угадываем то главное, что составляет сердцевину их натуры: настороженную застенчивость Евгении Яковлевны, строгое внимание Павла Егоровича, открытость и услужливость брата Митрофана Егоровича, женственность Людмилы Павловны, его жены, амбициозность и нервность старшего из детей Чеховых Александра, смешливость и беспечность Николая, деловитость и основательность Антона, мягкость и детскую непосредственность младших - Маши и Миши, а также Георгия.

Как отмечал В.Н. Дружинин в своем исследовании, в живописных портретах купеческих семей нигде не отражены связи между отцом и детьми [2]. Здесь же, на фотографии семьи Чеховых, мы видим психологическое главенство отца над женой и детьми, выраженное композиционно через пространственное расположение и взаимную ориентацию фигур. По

ЦДПБ имени А.П. Чехова

В.Н. Дружинину, это более характерно для другой модели - семьи протестантского типа.

Подтверждение нашего предположения находим и в воспоминаниях самих Чеховых и их современников, и в исследованиях биографов А.П. Чехова, и в работах литературоведов. Позиция Павла Егоровича как отца семейства может быть рассмотрена как отражение некоторых латентных черт протестантской семейной морали с ее устремлением к индивидуализму, материальному обогащению, раннему детскому труду, благополучному устройству в жизни за счет достатка и лучшего образования. «На будущее на нас не рассчитывайте, трудитесь сами», - пишет он Александру и Николаю в Москву. Слова: «Надейтесь только на себя», «Трудитесь», «Чтите отца своего» звучат в его письмах лейтмотивом [3]. В этих же письмах он часто бранил многочисленных родственников, отказывая им в уме, практичности и деловитости. Раздавая близким родственникам свои наставления и поучения, Павел Егорович относился к ним высокомерно. Родные люди (а клан Чеховых в Таганроге был достаточно велик) казались ему не опорой и поддержкой в жизни, а помехой в правильно избранном пути.

С юности Павел Егорович стремился «выбиться в люди» с помощью собственного усердия и «честной» торговли. Но, внушая окружающим мысли о порядке в делах и строгой экономии, сам , более всего уповал на молитвы, божескую милость и судьбу. Постоянные его мысли о том, как легко обогащаются в Таганроге некоторые лица, например, греки, вызывали зависть и заставляли его гнаться за лишней копейкой, для чего лавка открывалась на рассвете и закрывалась практически за полночь. Все это оказывало негативное влияние на сыновей, в том числе, на подрастающего Антона. Позднее уже в зрелом возрасте в одном из писем он сетовал: «...я страшно испорчен тем, что родился, вырос, учился и начал писать в среде, в которой деньги играют безобразно большую роль» [3, т. 14, с. 159-160].

Как впоследствии оказалось, Павел Егорович не имел от природы особой торговой жилки. I Торговля и соответствующая доходу купеческая гильдия скорее были для него средством осуществить мечту - «стать хозяином», занять особое положение на социальной лестнице, отчасти избавлением сыновей от воинской повинности. Коммерческие дела его несли убыток, поскольку закупки он делал в столицах, у лучших оптовиков, чтобы козырнуть перед другими купцами. В торговле для старшего Чехова прежде всего был важен некий антураж и особый порядок, торжественность операций.

Как и многие психологически несостоятельные и неуверенные родители, Павел Егорович Чехов был убежден, что его цель обогатиться и хорошо устроиться в жизни осуществят дети. Таганрогский быт семьи был организован им таким образом, чтобы дети как можно раньше приучались к самостоятельности. С раннего детства их приобщали к помощи в торговле, к ремеслу, к бытовым заботам по дому. Самым безотказным помощником матери Евгении Яковлевны был Антон. Ссылаясь на воспоминания тетки Антона Чехова М.И. Морозовой (Лобода), литературовед П. Чудаков пишет: «Он ходил на базар за провизией, что в мало-мальски обеспеченных, даже мещанских семьях было делом кухарки, убирал квартиру, заправлял керосином лампы, носил воду, даже белил комнаты, сам стирал себе воротнички для гимназической формы» [6, 21]. К этому следует еще добавить тоскливые и холодные сидения Антоши-подростка и других братьев в лавке в ожидании возможных покупателей, ночные спевки церковного хора, регентом которого был Павел Егорович, затемно начинающиеся праздничные службы.

В пользу нашей гипотезы, что патриархальность семьи Чеховых не была основной и однозначной ее характеристикой, есть косвенные указания в письмах самого Павла Егоровича к детям, в их воспоминаниях. По свидетельству Михаила Павловича и Марии Павловны, это была семья, «стремившаяся к просвещению и сознававшая значение духовной культуры» [5, с. 9]. Но в этом стремлении и в выборе своих педагогических целей Павел Егорович оказался неразборчивым и непоследовательным. Сначала он упорно ориентировался на «греческое воспитание», которое, как ему казалось, позволяло сделать в Таганроге коммерческую карьеру, и отдал старших мальчиков в греческую школу. Позднее (по настоянию Евгении Яковлевны) посчитал более выгодным широкое, гимназическое образование, открывающее

ЦГЕБ имени А.П. Чехова

простор для лучшего устройства в жизни. Приобщение к ремеслу он также считал для детей не лишним. Именно поэтому в 1873 году Павел Егорович определил троих старших сыновей в бесплатные ремесленные классы при Таганрогском уездном училище, чтобы еще до окончания гимназии «дать им верный кусок хлеба». Антон обучался сапожному и портняжному ремеслу.

В то же время большой заслуги Павла Егоровича в том, что почти все дети получили гимназическое, а некоторые позднее и университетское образование, практически не было. Николай по непонятным причинам ушел из 5-го класса гимназии. Антон фактически закончил ее без помощи родителей только благодаря своему усердию и собственным заработкам после переезда семьи в Москву. Иван, не рассчитывая на родительскую поддержку, был вынужден ускоренно сдать экзамен на приходского учителя, отказавшись от получения дальнейшего образования. Мария и Михаил, по семейному преданию, занимались своим устройством в гимназию сами, а их обучение впоследствии оплачивалось добрыми знакомыми или Антоном Павловичем. Все это доказывает, что идеи просвещения сложно приживались в сознании Павла Егоровича, отягощенного крепостным прошлым своих предков.

На основании подробного психологического анализа фотографии Чеховых приходим к заключению, что она лишь отчасти характеризует модель семейных отношений, основанных на патриархальных культурных традициях. Смеем предположить, что на фотографии - психологическая модель семьи, отражающая смешанный тип семейных отношений второй половины XIX в., который постепенно начинает складываться в новых социально-экономических условиях России второй половины XIX века. В этом сказывается усиление западноевропейского (буржуазного) культурно-экономического влияния на русскую семейную культуру.

Несмотря ни на что, через всю свою жизнь Антон Павлович проносит любовь к родителям и родным для него людям. «Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно их безграничное детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни...», - пишет Антон Чехов, семнадцатилетний гимназист, покинутый семьей в Таганроге на долгие три года [5, 5].

Тем не менее его жизнь и творчество - пример непрестанного нравственного и творческого восхождения путем самовоспитания. «Дрессировать», воспитывать себя, предъявлять к себе почти непосильные моральные требования и строго следить за тем, чтобы они были выполнены, - это основное содержание его жизни, и эту роль он любил больше всего - роль собственного своего воспитателя. Только этим путем он и добыл нравственную свою красоту - путем упорного труда над собой», как отмечал К.И. Чуковский [7, 54]. В Чехове мы видим человека, победившего собственную природу и инстинкты, издержки авторитарного, подчас деспотичного семейного воспитания, видим человека, воспитавшего самого себя не только ради себя самого. В самовоспитании он видел «долг каждого человека перед всеми другими людьми, так как общее благо, по его убеждению, в значительной мере зависит отличного благородства людей» [7, 57]. Короткая, непростая и столь многогранная судьба А.П. Чехова доказывает, что оправдание своего права на жизнь лежит в плоскости непрестанного самодвижения человека к нравственным ценностям и смыслам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. А.П. Чехов в портретах, иллюстрациях, документах: пос. для учит. ср. шк. / сост. М.М. Калаушин под ред. В.А. Мануйлова. Л.: Госучпедгиз МП РСФСР, 1957.
2. Дружинин В.Н. Психология семьи: 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
3. Полное собр. соч. и писем: в 20 т. / под общ. ред. С.Д. Балухатого, Н.С. Тихонова и др. М.: Гослитиздат, 1944-1951.
4. Чехов в воспоминаниях современников / под общ. ред. Н.Л. Бродского, Ф.В.

ЦГПБ имени А. П. Чехова

Гладкова, Ф.М. Головенченко, Н.К. Гудзия. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры., 1952.
5. Чехова М.П. Детство (отрывок из воспоминаний) // А.П. Чехов. Сборник. Статьи. Исследования. Публикации. Ростов н/Д: Обл. изд-во, 1954.
6. Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов: кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1987.
7. Чуковский К.И. О Чехове. Человек и мастер. М.: Детская литература. 1971.

ЦГПБ имени А. П. Чехова